

Кравченко С.А.

РИСКИ БУДУЩЕГО: ВОСТРЕБОВАННОСТЬ НЕЛИНЕЙНО-ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

RISKS OF THE FUTURE: THE DEMAND FOR NON-LINEAR HUMANISTIC
KNOWLEDGE

Кравченко Сергей Александрович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии МГИМО (У) МИД России, главный научный сотрудник, ФНИСЦ РАН

Sergey A. KRAVCHENKO, Dr. Sci. (Soc), Prof., Moscow State University of International Relations, MFA of Russia; Institute of Sociology RAS. Moscow, Russia (sociol7@yandex.ru).

Аннотация: В статье дается сравнительный анализ представлений о будущем, содержащиеся в классической и современной социологии, а также рассматриваются новейшие подходы к исследованию альтернативных будущих, которые были предложены на 3-ем Форуме Всемирной социологической ассоциации (Австрия, Вена, 10-14 июля 2016 года). Обосновывается положение о двух великих «переоткрытиях» будущего: первое связано с переходом от религиозного знания к институциональному научному знанию; второе — со становлением сложных рискогенных социо-природных реалий, востребовавших нелинейное знание, теоретические инновации, выразившиеся в переходе от линейных представлений о «светлом» будущем, отягощенных идеологическими пристрастиями, к нелинейным теориям, более реалистичным, но алармистским по своему характеру. Особо анализируется роль факторов гуманизма для потенциально лучшего мира, контуры которого ныне активно разрабатываются глобальной социологией. Автор полагает, что будущее детерминировано не только объективными реалиями сложных рисков, но в значительной степени определяется характером научного знания, которое нуждается в гуманистическом повороте.

Annotation: The article gives a comparative analysis of the ideas about the future contained in classical and modern sociology, and also considers the latest approaches to the study of alternative futures that were proposed at the 3-rd Forum of the World Sociological Association (Austria, Vienna, July 10-14, 2016). The position about two great "rediscoveries" of the future is grounded: the first is connected with the transition from religious knowledge to institutional scientific knowledge; the second —with the formation of complex risk-based socio-natural realities that demanded nonlinear knowledge, theoretical innovations expressed in the transition from linear ideas about the "bright" future burdened with ideological predilections, to nonlinear theories, more realistic, but

alarmist in nature. There particularly analyzed the role of humanism factors for a potentially better world, the contours of which are now being actively developed by global sociology. The author believes that the future is determined not only by the objective realities of complex risks, but is to a great extent determined by the nature of the scientific knowledge that needs a humanistic turn.

Ключевые слова: иски, «переоткрытие» будущего, будущее, нелинейное знание, научное незнание, 3-й Форум Всемирной социологической ассоциации, глобальная социология, гуманистический поворот.

Keywords: risks, «rediscovery» of the future, futures, non-linear knowledge, scientific non-knowledge, global sociology, humanistic turn.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, грант № 16-18-10411.

Введение

Рефлексия будущего имеет весьма большую историю. В традиционном обществе его характер практически всецело определялся религиозным знанием. Первое великое «переоткрытие» будущего связано со становлением институционального научного знания, линейного и прагматичного по своему характеру — то, что было вчера, определяет настоящее и перспективы развития человечества. На базе этого знания подходы к будущему, по существу, лишь уточнялись в контексте идеологических симпатий и политических стратегий. Хотя конкретные видения будущего существенно различались и были предметом острой борьбы идей и даже войн. Второе великое «переоткрытие» будущего обусловлено зарождением нелинейного знания, основанного на признании рефлексивности как человеческой деятельности, так и структур: выбранные людьми стратегии развития предполагают не только намеренные, желательные результаты, но и значительный компонент ненамеренного; саморазвитие структур также вносит существенные компоненты в неопределенности будущего. Кроме того, данный процесс стимулируется становлением сложных рискогенных социо-природных реалий, предрасположенных к перманентному воспроизводству потенциальных предпосылок к катастрофам, что является результатом материализации бесконтрольного увеличения формально-рационального и прагматического знания. Возникло осознание того, что даже передовое нелинейное знание об управлении рисками может лишь определить многообразие факторов производства сложных рисков, что, однако, является необходимым условием для будущего человеческой цивилизации. Достаточное же

условие предполагает гуманизацию всего знания, отказ от антропоцентризма и переход к новым принципам гуманизма, адекватным становлению турбулентным социо-природным реалиям.

К истории первого «переоткрытия» будущего

Основы научного исследования будущего человечества заложили социальные теоретики эпохи Просвещения. Квинтэссенцию их подходов можно свести к трем постулатам: 1) не Бог и религиозные мировоззрения, а научное знание, которое всеильно, определяет характер будущего, что выражал лозунг «Знание — сила». Соответственно, будущее виделось оптимистичными и радужными; 2) для утверждения «счастливого» будущего хороши все средства, направленные на увеличение благ для людей, ибо «Человек — мера всех вещей»; 3) все трактовки будущего осуществлялись с позиций «абсолютного знания», произведенного силой человеческого разума, исходя из здравого смысла, который-де «универсален».

Первые социологии опирались на знание того времени — другого научного знания просто не было. Тем не менее, каждое поколение социологов вносило коррективы, подчас, существенные в видение будущего. О. Конт был первым обществоведом, кто скептически отнесся к «абсолютному знанию». Вопреки ему, он стремился к тому, чтобы обосновать доказательную «позитивную» социальную теорию, основанную на конкретных реалиях жизни. По его мнению, позитивные знания — это «истинно доступные нашему уму и полезные для нас» знания, которые противостоят религиозным и фантастическим представлениям, а также здравому смыслу ввиду его ограниченности и противоречивости [1, с. 13].

В то время высшим критерием достоверности научного знания считались «объективные» законы познания, природы и общества. Э. Дюркгейм мыслил будущее в контексте углубления разделения труда, что «составляет необходимое условие материального и интеллектуального развития обществ, источник цивилизации»; это —закон, который управляет обществами «почти без их ведома» [2, с. 46].

К. Маркс, как ему представлялось, обосновал закон человеческой истории, согласно которому история человеческой цивилизации виделась как последовательная прогрессивная смена низшей формации исторически более высокой формацией. Коммунистическое будущее, «вершина» развития человеческой цивилизации, ему виделось в «положительном упразднении частной

собственности, как присвоению человеческой жизни», возвращении человека «к своему человеческому, т.е. общественному бытию» [3, с. 259].

М. Вебер, напротив, связывал будущее с рационализацией частной собственности, с «духом (современного) капитализма», утверждающего «тот строй мышления, для которого характерно систематическое и рациональное стремление к законной прибыли в рамках своей профессии» [4, с. 85], предполагающей доминирование целерациональных действий. Но главное — ученый подверг критике, казалось бы, «незыблемые, универсальные, объективные» законы общественного развития, замахнувшись на высшие достижения европейской социальной мысли, сформировавшиеся в XVII — XIX столетиях! Он предложил инновационное мышление о факторах общественного развития: причинность является качеством иной в социальной жизни: «мы имеем дело только с непонятной (или не вполне понятной) статистической вероятностью» [5, с. 612]. В отличие от природы в обществе действует «адекватная причинность», позволяющая, применительно к будущему, установить степень того, что при событии x имеется определенная степень вероятности наступления события y .

Из социологических классиков первым, кто поставил под вопрос идеи оптимистичного и счастливого будущего, был Г. Зиммель. По его мнению, будущее связано с «трагедией культуры», суть которой в экспансии объективной культуры и подавлении ею субъективной культуры, собственно культуры людей конкретных социальных групп: «в то время как тотальная ценность чего-либо увеличивается на эту же степень ценность её индивидуальных частей уменьшается» [6, р. 199]. При этом денежная экономика является катализатором «трагедии культуры», ибо она порождает беспомощность индивида перед тотальностью объективной культуры, при этом не оставляя человечеству надежд на изменение ситуации в будущем. Деньги способствуют развитию прагматизма, рационализма и вместе с тем «абсолютной свободы от всего личного» [6, р. 128]. С распространением же рациональности на уровень субъективной культуры люди теряют исконно человеческое. Соответственно, получает развитие такая форма социального взаимодействия, как цинизм, предполагающая выставление на продажу всего и вся: красоту, правду, удовольствия можно купить за деньги также легко, как бакалейные товары. Циник, как социальный тип, утрачивает способность делать различия между высоким и низким в социальной жизни. Денежная экономика увеличивает обезличенность в социальном взаимодействии. Отнюдь

не случайно в практику отношений входит принцип: «Незаменимых людей нет». Все это, по мнению Зиммеля, представляет для будущего человечества большое зло.

При всех различиях в подходах первых социологов к будущему они имели общие фундаментальные основания позитивистского толка [7, с. 78-104; 162-186]. Отметим главные из них: 1) будущее человечество едино, детерминировано «объективными законами» или, по крайней мере, социальными реалиями, природа которых, в принципе, неизменна; 2) характер будущего детерминирован прошлым в виде устоявшихся социальных институтов, общественных традиций и поведенческих практик предыдущих поколений; 3) будущее человечества является результатом преобразований исключительно в социально-экономической и культурной сферах, на его характер практически не влияют ни природа, ни климатические условия.

Зарождение нелинейного знания — интеллектуальные предпосылки отказа от «закономерного» будущего

Вероятно, первое свидетельство нелинейного теоретизирования в социологии содержится у Р. Мертона. Признавая, что наука развивается, опираясь «на плечи гигантов», он призывал перейти к «критической нелинейной рефлексии», позволяющей осуществлять интерпретации «пути развития истории вообще, истории идей, в частности, а также научных исследований» [8, р. xix]. Это, в частности, предполагало «перечитывание» и постоянную переинтерпретацию ранее обоснованных идей в контексте нового времени, что, по его мнению, способствовало накоплению инновационного научного знания [8, р. 45]. Сказанное вполне относится к прежним представлениям об «объективных» законах о будущем человечества.

Ценным вкладом в нелинейное знание явилась идея Т. Куна о научных революциях. По его мнению, в течение определенного периода времени содержание и сущность науки определяются парадигмой, являющейся набором принципов, понятий, категориального аппарата, признаваемого и используемого группой ученых в течение определенного исторического периода. Однако с истечением некоторого времени возникают аномалии, которые не могут быть объяснены в рамках существующих теоретических и методологических принципов, что вызывает сначала скептицизм, а затем все большее недоверие существующему инструментарию, что заканчивается научной революцией и переходом к новой парадиг-

ме. В течение некоторого времени сосуществуют две парадигмы с тенденцией, что одна из них обретает все большее доверие и доминирует как «истинная», другая же постепенно утрачивает значимость. Затем начинается следующий аналогичный по фазам цикл научной революции [9], что, по существу, знаменует естественность в разрывах знания.

Принципиально новый этап в становление нелинейного знания связан со становлением рефлексивной социальной науки. П. Бурдье и Э. Гидденс, основоположники рефлексивной социологии, акцент сделали на изучении самоизменения институциональных структур, а также импровизаций и инноваций в человеческой деятельности. В итоге главным предметным полем современной социологии становятся ««рукотворные неопределенности», связанные более с продвинутым знанием» [10, р. 105]. При этом, приход в жизнь и распространение «рукотворных неопределенностей» вынуждает ученых по-новому посмотреть на значимость рисков как факторов, существенно влияющих на облик будущего, пути движения к нему.

В итоге, зарождение и распространение нелинейного знания явилось теми интеллектуальными предпосылками, которые побудили ученых отказаться от идей «закономерного» будущего, от однозначной детерминированности настоящего и будущего прошлым опытом. Вместе с тем, собственно инновационные модели будущего не могли появиться ранее объективных условий в виде формирования принципиально новых сложных социо-природных реалий, развивающихся сообразно принципам самоорганизации.

Квинтэссенция второго «переоткрытия» будущего: учет усложняющихся рисков

Ныне теоретизирование будущего стало осуществляться с учетом возникновения сложных рефлексивных систем. Британский социолог Дж. Урри в книге «Что есть будущее?» к сложным системам современного мира относит «гибриды экономического, физического, технологического, политического и социального. Системы не могут быть сведены к одному из этих «элементов». Они социоматериальны... Также важно, что сложные системы представляют собой «сети»» [11, р. 62, 68]. Российский социолог О.Н. Яницкий утверждает, что современная жизнь сопровождается выбросом гигантских масс энергии распада в самой разной форме, которая хаотизирует все вокруг [12, р. 112-118]. Он отмечает, что привычное разделение на природу и общество более не отвечает процессам

сжатия и интеграции всего происходящего на Земле: мы теперь живем в социобиотехносфере, её законы нами еще не изучены [13, с. 5-22]. Если сравнительно недавно природа и социум представляли самостоятельные реальности, то ныне во многих случаях они образуют единую реальность, развивающуюся нелинейно. Сложные системы делают современный мир принципиально иным, в сравнении с тем, каким он был несколько десятилетий назад.

Для сложных систем характерна усложняющаяся природа риска. Обычно риск понимается как возникновение ситуации с неопределенностью, основанной на дихотомии реальной действительности и возможности: принятие актором решения и соответствующего действия ведет как вероятности бретения выгод и благ, так и наступления объективно неблагоприятного последствия [14, с. 20]. Сегодня же возникает новая генерация рисков, адекватных рефлексивному модерну, иногда называемого («текучим», «ускользающим», «радикальным», «поздним») модерном. В самом общем виде их суть проявляется в следующем: 1) ситуации с неопределенностью возникают не только в результате индивидуальной, но и структурно-институциональной рефлексивности, под которой понимается способность к самопреобразованию, самотворению и самоорганизации в свете новой информации. Это, по словам Э. Гидденса, — «наблюдаемое свойство и характерная особенность движущегося потока социальной жизни» [15, с. 40]; 2) индивидуальные и коллективные акторы поставлены в условия необходимости постоянного выбора альтернатив. Н. Луман отмечает: «Основной формой всякой процессуальной рефлексивности всегда является отбор отбора. Поэтому рефлексивность может возникать только на основе самоизбирательной структуры процессов, усиливающей отбор за счет отбора» [16, с. 582]. При этом реализуется возможность «иного бытия» как результат найденного, вероятно, «не самого лучшего» решения и сделанного действия [16, с. 53]; 3) в условиях сложного социума действует «эффект бабочки» — казалось бы, малозначимые действия способны вызвать лавинообразные рискогенные последствия, которые проявляются нелинейно во времени и пространстве. «Небольшие изменения в прошлом, — пишет Дж. Урри, — способны потенциально произвести огромные последствия в настоящем или будущем. Такие маленькие события «не забываются». Теория хаоса, в частности, отвергает представления здравого смысла о том, что только большие изменения могут вызывать большие последствия... Выразим эту мысль проще — нет согласующихся отношений между причиной и результатом события. Скорее, отношения между перемен-

ными могут быть нелинейными с внезапным включением происходящего, так что одна и та же причина может в специфических обстоятельствах производить разные виды последствия» [17, р. 23].

Из этого следует, что ныне при определении характера будущего необходимо учитывать фактор возникших сложных рисков, имманентно производящих неопределенности эмерджентного типа. Ни одна отдельно взятая наука не в состоянии охватить предметное поле процессов интеграции природы и общества, возникающих при этом сложных рисков. Вот почему, заявляет Дж. Урри, настоятельно необходима особая постдисциплинарная парадигма: «теория сложности, которая ныне в обобщенном виде появляется как потенциально новая парадигма для социальных наук... нематематическое основание, теория хаоса, нелинейность и сложность рассматриваются как единая парадигма» [17, р. 12, 17].

Рефлексия у социологических сообществ на эти процессы не заставила себя долго ждать. На XVIII Всемирном социологическом конгрессе К. Хасегава, руководитель японского организационного комитета Конгресса, прямо высказался за социологию, которая «станет мостом, связующим Восток и Запад, Юг и Север, женское и мужское, прошлое и будущее, молодое и старое, природу и общество, соединяющего всевозможные расколы социологии ради более равного мира» [18, р. 17]. Такое видение перспектив развития социологии ориентировано на развитие сетевых взаимоотношений социологов с представителями самых разных наук. Стало нормой, что социологи стали наводить мосты с, казалось бы, несовместимыми парадигмами и даже заимствовать теоретико-методологический инструментарий из естественных и даже гуманитарных наук [19, с. 22-30; 20, с. 29-38]. Без этого сегодня невозможно исследование будущего человеческой цивилизации.

Полагаем, второе «переоткрытие» будущего было легитимизировано на 3-ем Форуме Международной социологической ассоциации, состоявшемся в Австрии, Вене, 10-14 июля 2016 года. Его материалы свидетельствуют, что практически ни одно из традиционных и весьма распространенных в общественном сознании представлений о будущем не сохранилось в неизменном виде. Были, соответственно, востребованы инновационные нелинейные видения сущности будущего, учитывающие реалии сложных рисков. Отметим некоторые, на наш взгляд, наиболее плодотворные идеи.

Была поставлена под вопрос традиционная «универсальная» модель будущего (не исключавшая идейно-политические моди-

фикации), опирающаяся на принцип евроцентризма: прежде конкретные общества ранжировались по их «зрелости» для перехода к «общему» будущему, ныне же глобальная социология исходит из самодостаточности существующих обществ и культур как сложных систем, обладающих саморефлексией, что предполагает разные будущие для человечества [21, р. 81]. Показателен в этом плане девиз Форума: «Будущие, [множественное число!] которые мы хотим: глобальная социология и борьба за лучший мир». Полагаем, такой подход потребует поднятие культуры толерантности на более высокий уровень [22].

Социологи констатировали, что современный мир представляет собой единство сложных социо-природных реалий, имеющих глобо-локальную природу, развивающихся нелинейно. Известный американский социолог С. Сассен указала на распространение последствий сложных рисков на функциональность социо-природных систем. Так, риски эксплуатации природы, сложившиеся ещё в эпоху индустриализма, сегодня привели к распространению «мертвой почвы» и «мертвой воды» — будущее человечества во многом определяется их минимизацией [23, р. 81].

Радикально изменились представления о средствах достижения желательных будущих. Для радикальных преобразований ныне отнюдь не всегда требуются «организованные и сознательные» усилия масс людей. Конечно, социальные реформы и революции не утратили своей значимости как фактора масштабных общественных изменений. Однако сложные социо-природные реалии в принципе функционируют иначе, рельефно проявляется «эффект бабочки». Риски инноваций, определяющие облик будущего, в значительной степени исходят от новых корпораций, сетевых предприятий, разного рода негосударственных структур, нацеленных, главным образом, на получение прибыли, оставляя в стороне возможные отложенные негативные последствия для социума и культуры. Как отмечает, Дж. Урри, «существует множество ненамеренных последствий экономической, социальной и политической инновации, простирающейся во времени и пространстве». При этом возможны «обратно-поступательные изменения» [11, р. 79].

Постулат о том, что будущее детерминировано реалиями прошлого также ныне не представляется бесспорным и предполагает переосмысление. Несомненно, институты, общественные традиции, поведенческие практики предыдущих поколений не могут не влиять на характер будущего. Однако, во-первых, это отнюдь не линейное воздействие — будущее обязательно включает в

себя ненамеренные последствия сложных рисков. Во-вторых, возник фактор, которого в принципе не было — виртуальная реальность, позволяющая не только стирать грань между прошлым, настоящим и будущим, но и привносить инсценированные опасности в будущее, что особенно касается рисков. Так, У. Бек отмечает: «только через воображение и инсценирование мирового риска будущая катастрофа становится настоящим — зачастую с целью избежания ее принимаются значимые решения в настоящее время» [24, р. 10]. Инсценирование угроз неизбежно порождает активное недоверие, новые сложности на пути к будущему: «Мир не обязательно стал более опасным. Систематическая потеря доверия заставляет потребителей видеть повсюду «риски». Чем меньше доверия, тем больше появляются риски. Чем больше осведомленность о риске, тем более нестабильными становятся глобальные рынки. Чем более нестабильными глобальные рынки, тем сильнее бумеранговые риски для каждого, включая корпорации и правительства» [25, р. 104-105]. В-третьих, знание о будущем дополняется научным незнанием, чья роль как рискогенного фактора возрастает. Социолог особо подчеркивает, что незнание — не невежество, а неизбежный компонент неопределенности в современном знании, которое отражает сложность социо-природных реалий. «Мировое общество риска является обществом незнания в самом прямом смысле. В противоположность домодерновой эры оно не может быть преодолено большим и лучшим знанием, большей или лучшей наукой; скорее, как раз наоборот: оно — продукт большей и лучшей науки. Незнание правит в мировом обществе риска. Жить в среде созданного незнания означает искать неизвестные ответы на вопросы, которые никто не может ясно сформулировать» [24, р. 115]. С учетом фактора научного незнания подходить к конструированию будущего нельзя волюнтаристски, необходимо особо тщательно просчитывать всевозможные риски ненамеренных последствий принимаемых решений.

Сегодня оптимистические представления будущего видятся утопиями — таковы некоторые последствия сложных рисков. На Форуме акцент был сделан на следующих из них: 1) риски ресурсной зависимости; 2) риски природо-климатических изменений, обусловленных деятельностью человека; 3) риски, связанные с приходом в нашу жизнь гибридных систем, функционирующим по более сложным принципам. Соответственно, оптимизм сменился нео-катастрофизмом, суть которого Дж. Урри видит в рукотворных трансформациях прагматической направленности,

ведущих к «потенциальному коллапсу человеческих обществ» [11, р. 37]. Представители этого течения исходят из того, что причины современных катастроф имманентно присущи нынешней жизнедеятельности людей, постоянно производящих рукотворные риски.

Гуманистические перспективы

«Переоткрытие» будущего осуществляется через призму возможностей его гуманизации. В этом, как нам представляется, доминируют три подхода. Первый — имеет место реанимация «доброе», «гуманное» прошлого. Так, З. Бауман отмечает, что возникла «ретротопия» — «глобальная эпидемия ностальгии по прошлому» [26, р. 3]. Преодоление глобальной эпидемии ностальгии социолог связывает с необходимостью перехода к иному тренду развития, развития культуры диалога, способствующей гуманизации человеческих отношений и единению «мы» с «они». Аналогичные размышления о былом содержатся в творчестве В.Н. Иванова:

«Былое кажется порой добрей
И сердцу ближе и дороже,
А настоящее печалит и тревожит
И делает несчастными людей.
Былое видится добрей,
И забывать его негоже» [27, с. 59].

В самом деле, социальная память о былом может стать импульсом для гуманистических преобразований, которые определят облик будущего. Второй. У. Бек выдвинул «теорию метаморфозы мира», из которой следует потенциальная возможность перехода к новому, более гуманному этапу развития человеческой цивилизации с возможностью лучшего будущего. По его мнению, в современный мир все более входят метаморфозы, которые не просто дестабилизируют определенности социума, а инициируют непреложный шок: то, что вчера было немыслимым, становится реальностью сегодня и завтра. Так, «климатическое изменение является агентом метаморфозы»: «подъем уровня моря создает новые ландшафты неравенств — рисуются новые карты мира на которых ключевыми линиями являются не традиционные границы между нациями-государствами, а подъемы выше морского уровня. Это создает совершенно другой способ концептуализации мира и наших шансов на выживание в нем» [28, р. Веck, 2016: 4]. К наиболее значимым метаморфозам социо-

лог относит климатические изменения, глобальные идеологические конфликты, ненамеренные последствия развития экономики и внедрения инновационных технологий. В рамках этой теории социолог выдвигает идею «эмансипирующего катастрофизма», предполагающую учет «позитивных побочных эффектов глобальных рисков», с позиций которой подвергает критике пессимизм представителей «традиционного» подхода к современным сложным катастрофам. «Мир не погибает, как полагают проповедники катастрофы, и спасение мира также не является неизбежным, о чём взывают оптимистичные сторонники прогресса. Скорее всего, мир переживает нечто удивительное, но понятное — метаморфозу преобразования эталонного горизонта и координат действия» [28, р. 16-17].

Третий. В контексте «переоткрытия» будущего осуществляет соответствующее «переоткрытие» гуманизма. Организаторы Форума на пленарные и совместные сессии вынесли ряд докладов, посвященные этой теме: «Новые парадигмы о социальном контроле, преступлении и насилии: за иной возможный мир» [29, р. 85]; «Социология счастья» [30, р. 83]; «Является ли будущее «человеческим», «постчеловеческим» или «трансчеловеческим»» [31, р. 85]. Со своей стороны, мы выступили за гуманистический поворот не только в социологии, но и во всех науках [32, с. 12-23]. Полагаем, при выработке модели будущего для России важно учесть не столько объем знания, количество парадигм, задействованных в его производстве, сколько наличие в нем гуманистической составляющей. Есть надежда на то, что выдвинутые на Форуме новации станут импульсом для развития социологического знания в настоящем и будущем. Отрадно, что многие из них имеют гуманистический стержень.

Литература

1. Конт О. Дух позитивной философии // Западно-европейская социология XIX века: Тексты. М.: Издание Международного университета бизнеса и управления, 1996.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.
3. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1944 года // К. Маркс. Социология. Сборник. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
5. Вебер М. Основные социологические понятия // М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

6. Simmel G. *The Philosophy of Money*. London: Routledge and Kegan Paul, 1978.
7. Кравченко С.А. Социология. В 2-х т. Т. 1. Классические теории через призму социологического воображения: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2014.
8. Merton R. *On the Shoulders of Giants*. Chicago and London: University of Chicago Press, 1993.
9. Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.
10. Giddens A., Pierson Ch. *Conversations with Anthony Giddens: Making Sense of Modernity*. Cambridge: Polity Press, 1998.
11. Urry J. *What is the Future?* Cambridge: Polity Press, 2016.
12. Yanitsky O.N. *Sociology of Critical Areas // Open Journal of Social Science Research*, 2014. Vol. 2 (3). P. 5–22.
13. Яницкий О.Н. Социобиотехнические системы: новый взгляд на взаимодействие человека и природы // *Социологическая наука и социальная практика*, 2016. № 3. —С. 5-22.
14. Кравченко С.А. Социологическая диагностика рисков, уязвимостей, доверия. Учебное пособие. М.: МГИМО-Университет, 2016.
15. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М.: Академический проект, 2003.
16. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007.
17. Urry J. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 2003.
18. Hasegawa K. Welcome from the Chair of the Japanese Local Organizing Committee // XVIII ISA World Congress of Sociology. 13-19 July 2014. Yokohama, Japan.
19. Кравченко С.А., Салыгин В.И. Новый синтез научного знания: становление междисциплинарной науки // *Социологические исследования*, 2015. № 10. С. 22-30.
20. Кравченко С.А. Мосты, соединяющие всевозможные расколы социологии ради более равноправного мира // *Социологические исследования*, 2015. № 2. С. 29-38.
21. Schulz M.S. *The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World (Forum President's Address) // 3rd Forum of Sociology. The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World*. 10-14 July 2016, Vienna, Austria.
22. *Культура толерантности: опыт дипломатии для решения современных управленческих проблем / Под ред. И.Г. Тюлина*. М.: МГИМО-Университет, 2004.
23. Sassen S. *Relocalizing the National and Horizontalizing the Global // 3rd Forum of Sociology. The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World*. 10-14 July 2016, Vienna, Austria.
24. Beck U. *World at Risk*. Cambridge: Polity Press, 2010.
25. Beck U. *Power in the Global Age*. Cambridge: Polity Press, 2007.
26. Bauman, Z. *Retrotopia*. Cambridge: Polity Press, 2017.
27. Иванов В.Н. *Раздумья: стихи разных лет*. М.: ИПО «У Никитских ворот» 2017.
28. Beck U. *The Metamorphosis of the World*. Cambridge: Polity Press, 2016.
29. Tavares-Dos-Santos J.V. *New perspectives about Social Control, Crime and Violence: For Another Possible World // 3rd Forum of Sociology. The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World*. 10-14 July 2016, Vienna, Austria.

30. Neenhoven R. The Sociology of Happiness // 3rd Forum of Sociology. The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. 10-14 July 2016, Vienna, Austria.
31. Fuller S. Is Future 'Human', 'Posthuman' or Trunshuman' // 3rd Forum of Sociology. The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. 10-14 July 2016, Vienna, Austria.
32. Кравченко С.А. Востребованность гуманистического поворота в социологии // Социологическая наука и социальная практика, 2013. № 1. С. 12-23.